

Лоза как инструмент политики.

Житель Мценска Фёдор Тимохин сидит на двух стульях. Первый стул - это общественная деятельность, второй - плетение мебели. Так что кроме стульев у Тимохина есть диваны, кресла, чемоданы, коробка и даже гардероб из лозы. Как утверждает хозяин, такая мебель служит веками. При этом не скрипит и не расшатывается. А в пасмурные дни как бы подсвечивает интерьер.

- Ремесло я перенял от отца по праву наследства, - рассказывает Фёдор Иванович. - Но если честно, мне до него ещё далеко.

Иван Фёдорович, по словам Тимохина-младшего, прошёл суровую школу обучения у лучшего в округе мастера, а потом много лет наращивал мастерство на Мценском промкомбинате. Жил он на берегу Оки, в маленькой деревеньке с легкомысленным названием Какуренково. На работу ходил пешком: 13 километров туда, 13 - обратно. При этом мог сплести за день 18 корзин или, допустим, два кресла. Можно сказать, Тимохин-старший уже вошёл в историю. Несколько его работ (диван, кресло, стол и санки) хранятся во Мценском краеведческом музее, работники которого с гордостью рассказывают про своего земляка.

В 1989 году Иван Фёдорович получил срочный заказ партии и правительства оформить советский павильон для международной выставки в Лейпциге. Точнее - сплести несколько декоративных элементов: национальных то форме и социалистических по содержанию. С виду что-то вроде приплюснутого кувшина. Лоза стала как бы инструментом международной политики. Но для мастера изюминка заключалась не столько в форме, сколько в размерах «кувшина»: 3,5 метра в диаметре и два с лишним - в высоту.

Тимохин привлёк к работе сына, и за две недели они смастерили несколько таких штук. Кроме того, лично для руководителя ГДР Иван Фёдорович сплёл дивной красоты диван, на который со временем товарищ Хонеккер мог бы поменять своё руководящее кресло.

Вместе с этим диваном он и отправился в Лейпциг. Предполагалось, что глава партии и государства откроет выставку, а орловский крестьянин Иван Тимохин подарит ему свой плетёный диван и скажет несколько идущих от сердца слов, отредактированных в обкоме партии.

Однако, по независящим от Тимохина причинам, товарищ Хонеккер от посещения выставки уклонился, и заготовленная речь осталась втуне. А следы тимохинских «кувшинов» затерялись на крутых поворотах истории. Осталась только фотография в журнале «Сделай сам».

Впрочем, недавно Тимохин-младший и сам вышел на орбиту большой политики. Его плетёная мебель стала украшением орловской экспозиции в выставочном зале Манежа.

- Откуда такая красота? - спросил московский мэр Юрий Лужков у хозяина экспозиции Егора Строева. - Кто нам расскажет?

- Я расскажу, Юрий Михайлович, - сказал Тимохин и по-военному чётко сделал шаг вперёд. - Зовут меня Фёдор. Отца Иваном звали. От него и перенял ремесло... По правде говоря, по молодости лет Фёдор Тимохин смотрел на плетение как на баловство. Его увлекла мужественная профессия пожарного, которой он посвятил 12 лет.

После пожарной части Тимохин попал в городскую думу - из огня да в полымя общественной жизни, которая в годы реформ была ключом. Мценск преобразался буквально на глазах. Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий жители приходили к памятнику Тургеневу, чтобы, так сказать, посоветоваться с великим земляком о судьбах своей родины. И вот в один прекрасный день увидели, что на месте Тургенева стоит водочный магазин. Как не впасть в отчаяние при виде всего, что творится дома! Как не заступиться за памятники!

Правда, довольно скоро Тимохин понял, что политики - тоже люди. И что этих людей заботят не столько общественные идеалы, сколько личные интересы. А раз так, лучше плести корзины, чем интриги, решил Тимохин. Сейчас он заканчивает большой заказ для музея Ясная Поляна. Тимохинские плетёные стулья и кресла стоят теперь на веранде толстовского дома. Так что он тоже попал в музей.

Сергей ЖДАКАЕВ.

Ждакаев, С. Лоза как инструмент политики [Текст] / Сергей Ждакаев // Известия. – 1999. – 25 мая.